

*Адриану,
который изменил мою жизнь
в лучшую сторону*

Агория

Балар

море Шайцзинь

дворец шаньсэня

Северная Аланди

Королевство
Кията

Осенний дворец

Цзяпур

Весенний дворец

Зимний дворец

ТУРСКИЕ ГОРЫ

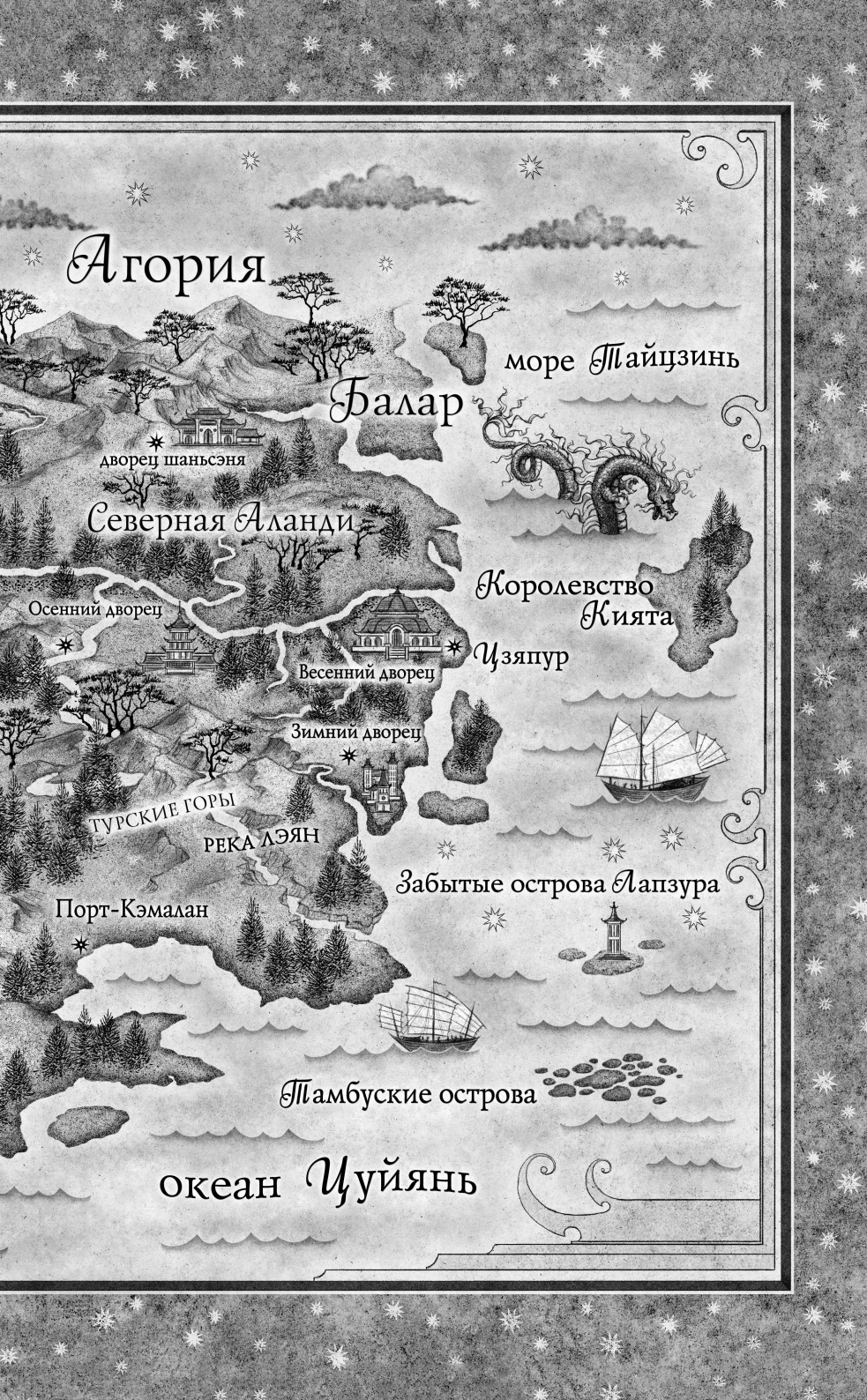
РЕКА ЛЭЯН

Забывтые острова Лапзура

Порт-Кэмалан

Шамбуские острова

океан Цуйянь

Попросите меня сплести лучшую пряжу или нить, и я справлюсь быстрее любого — даже с закрытыми глазами. Но вот когда нужно плести ложь, я начинаю запинаться и мямлить.

Никогда не умела выдумывать сказки.

Мой брат Кетон знает это, как никто другой. И хотя, пока я рассказываю — о трех невозможных заданиях, которые мне поручили; о демонах и призраках, встреченных мною в пути; о чарах, наложенных на нашего императора, — его брови пару раз ползут вверх, брат мне верит.

А вот отец нет. Он видит насквозь тени, за которыми я прячусь. Видит, что за улыбкой, которой я одаряю Кетона, скрываются покрасневшие глаза. Припухшие от долгих часов, а то и дней рыданий. Чего он не видит, так это того, что, несмотря на подсыхающие на щеках слезы, в моем сердце — сталь.

Мне страшно подходить к завершению рассказа, ведь там полно узлов, которые я так и не набралась храбрости отрезать. Вдалеке слышен бой барабанов. Они приближаются с каждой секундой — волнительное напоминание о том, как мало времени у меня осталось, чтобы сделать выбор.

Если вернусь, то оставляю себя позади. Я больше никогда не встречу семью, никогда не увижу свое лицо в зеркале, никогда не услышу свое имя.

Но я пожертвовала бы солнцем, луной и звездами, лишь бы спасти его. Безымянного юношу, у которого, однако, тысяча имен. Юношу, чьи руки запятнаны кровью звезд.

Юношу, которого я люблю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСПЫТАНИЕ

ГЛАВА 1

Однажды у меня было три брата. Финлей был старшим и самым смелым. Ничто его не пугало: ни пауки, ни иглы, ни угроза порки отцовской тростью. Он был самым быстрым из нашей четверки — настолько, что мог поймать муху большим пальцем и наперстком. Но добавок к его бесстрашию шла жажда приключений. Ему претило работать в нашей лавочке, тратить драгоценное дневное время на пошив платьев и штопанье рубашек. Брат небрежно обращался с иглой, из-за чего его исколотые пальцы постоянно были обвязаны бинтом, а труд — испорчен неровными швами. Швами, которые я распарывала и накладывала заново, чтобы спасти его от папиных нотаций.

Финлею не хватало терпения, чтобы стать портным, как отец.

Сэндо хватало терпения, но не для шитья. Мой второй брат был поэтом в нашей семье, и единственное, что он любил сплетать, — это слова, особенно о море. Сэндо с такими изысканными подробностями описывал прекрасные платья, которые шил отец, что их желали купить все дамы в городе, но лишь обнаруживали, что этих платьев не существует.

В качестве наказания отец заставлял его сидеть на пирсе за нашей лавочкой и распутывать нити из коконов шелкопрядов. Я частенько прокрадывалась к нему, чтобы послушать рассказы о том, что находилось по другую сторону этого бесконечного водного горизонта.

— Какого цвета океан? — спрашивал меня Сэндо.

— Синего, глупенький. Какого же еще?

— Как ты станешь лучшей портнихой в Аланди, если не разбираешься в цветах? — Сэндо покачал головой и показал на воду. — Посмотри еще раз. Всмотрись в глубину.

— Сапфирового, — ответила я, разглядывая небольшие океанские гребни и впадинки. Вода искрилась. — Сапфирового, как камни, которые леди Тайнак носит на шее. Но есть и намек на зеленый... нефритовый. А пена на волнах напоминает жемчуг.

Брат улыбнулся.

— Уже лучше. — Он обнял меня рукой за плечи и крепко прижал к себе. — Однажды мы с тобой будем бороздить моря, и ты увидишь все оттенки синего в мире.

Благодаря Сэндо синий стал моим любимым цветом. Он разбавлял белизну моих стен, когда я открывала окно поутру и видела море, сверкающее на солнце. Сапфировое или лазурное. Бирюзовое или индиговое. Сэндо натренировал мои глаза различать разные оттенки одного цвета, одинаково ценить и блекло-коричневый, и ярко-розовый тона. То, как свет мог преломлять что-то на тысячу возможностей.

Сердце Сэндо принадлежало морю, а не ткачеству, как сердце отца.

Кетон был моим третьим братом и самым близким ко мне по возрасту. Его песни и шутки всегда порождали смех, независимо от настроения. Он вечно попадал в неприятности за то, что красил наши шелка в зеленый вместо фиолетового, беспечно наступал грязными сандалиями на недавно выглаженные платья, забывал полить шелковицу и никогда не прял пряжу достаточно аккуратно, чтобы отец мог связать из нее свитер. Деньги утекали сквозь его пальцы как вода. Но папа любил его больше всех — даже невзирая на то, что Кетону не хватало дисциплины, чтобы стать портным.

А еще была я — Майя. Послушная дочь. Мои самые ранние воспоминания были о том, как я, довольная, сидела на коленях у матери, работающей с веретеном, и слушала, как Финлей, Сэндо и Кетон играли на улице, пока отец учил меня сматывать мамину нить, чтобы та не спуталась.

Мое сердце принадлежало ткачеству: я научилась продевать нить в иглу раньше, чем ходить; научилась делать идеальные стежки раньше, чем говорить. Я любила рукоделие и с радостью перенимала папино мастерство, вместо того чтобы гулять с братьями. К тому же, когда Финлей учил меня спаррингу и стрелять из лука, я всегда промахивалась мимо цели. Несмотря на то что я впитывала, как губка, все сказки Сэндо о призраках, рассказывать их самой у меня не получалось. И сколько бы старшие братья ни предупреждали меня о них, я всегда велась на розыгрыши Кетона.

Отец гордо заявлял, что я родилась с иглой в одной руке и ножницами в другой. Что не будь я де-